

Идеи и смыслы

Андрей ПЕЛИПЕНКО

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНОГО ДИСКУРСА

Статья представляет собой краткий обзор ключевых проблем современного экспертного дискурса в контексте системного кризиса современности. Обосновывается необходимость радикального отказа от сложившихся в последние десятилетия идеологических и психологических стереотипов, препятствующих адекватной постановке и осмыслению проблем современной цивилизации, прежде всего западной.

The article presents the brief overview of the key problems of the modern expert discourse in the context of system crisis of modernity. The necessity of radical rejection of the ideological and psychological stereotypes established in the last decades that prevent to adequate formulation and understanding the problems of modern civilization, mainly Western one, is substantiated.

Ключевые слова:

системные исследования, дискурс, политкорректность, социоцентризм, антропоцентризм, цивилизация; system research, discourse, political correctness, sociocentrism, anthropocentrism, civilization.

Мировой системный кризис, приближение которого обсуждается в последние годы все активнее, выходит из фазы латентной и вступает в фазу хотя и раннюю, но уже достаточно проявленную. Первая волна финансово-экономического кризиса 2008 г. — это не более чем его пролог, проявленный в отдельной сфере. При том что дух алармизма уже давно и прочно овладел современным общественным сознанием, мы не видим в нынешнем экспертном сообществе ни интеллектуальной, ни психологической способности к адекватному осознанию стремительно ускоряющихся кризисных процессов и к выработке эффективных стратегий противодействия. Причин здесь, по меньшей мере, три.

1. Узость предметных подходов: экономического, социологического, политологического, демографического, экологического и др. Ставший в последнее время почти мистическим ужас методологической критики вкупе с некоторыми другими психологическими стереотипами блокирует комплексный подход к пониманию реальности, а системный анализ, как правило, подменяется механическим суммированием выводов предметных исследований.

2. Отсутствие теоретической базы для комплексного понимания современного культурно-цивилизационного ландшафта. Долгое время в качестве такой базы выступала философия, которая сегодня умерла как развивающаяся интеллектуальная форма и, замкнувшись на себя, превратилась в собственную историю в форме сервильной университетской дисциплины.

3. Адекватному анализу препятствует если не прямая политическая ангажированность, то, по меньшей мере, полусознанная психологическая зависимость от установленных «правил игры», когда те или иные идеи, стратегии и смыслы заведомо отвергаются ввиду их несоответствия идеологическим установкам. Проявляется это, прежде всего, в диктате леволиберальной, социал-демократической и просто социалистической идеологий в экспертных сообществах, под прикрытием которых осуществляет свою полулегальную власть «бюрократический интернационал».

Между тем, охватывающий человечество кризис носит глобальный характер. Это значит, что речь идет не об очередной структурной перестройке локальных культурно-цивилизационных систем, а о завершении некоего макроисторического цикла и рождении нового системного качества цивилизации и самого человека. Процесс этот, даже с поправкой на присущий человеку хроноцентризм, предстает

ПЕЛИПЕНКО

Андрей

Анатольевич —

д.филос.н.,

профессор, главный

научный сотрудник

сектора теории

социокультурных

процессов и систем

Российского

института

культурологии

demored@yandex.ru

настолько масштабным, что становится очевидным принципиальная невозможность описания этого нового качества в рамках привычного дискурса. Поэтому, чтобы хотя бы в первом приближении схватить суть грядущих и уже начавшихся изменений, требуется, прежде всего, подвергнуть основательной критике сложившийся на сегодня в большинстве экспертных сообществ дискурс.

Здесь возможны следующие позиции.

1. Отказ от узкодисциплинарных подходов и реабилитация комплексно-синтетических парадигм. Речь идет об основанной на синтезе современного научного знания парадигматике системных исследований (*system studies*). При этом критерием качества исследований выступает, прежде всего, их объяснительная способность, а не чистота методологических и уж тем более идеологических риз. Синтетическим основанием выступает дискурс теории культуры и отчасти цивилизационного анализа с инструментальным использованием понятийно-терминологического аппарата философии.

2. Отказ от всякой как прямой, так и косвенной политической ангажированности. Хотя абсолютная объективность недостижима в принципе, стремиться к ней необходимо. Это так же очевидно, как и то, что недостижимость истины не отменяет необходимости отметить заведомую ложь. Здесь не обойти тему пресловутой политкорректности.

Будучи поначалу невинной интеллектуальной модой, политкорректность превратилась в фактор, серьезно препятствующий адекватному пониманию социокультурной реальности. Оставим в стороне этическую оценку возведения лицемерия в норму, запрета называть вещи своими именами, навязывание ханжеских эвфемизмов, третирования элементарной логики и здравого смысла, игнорирования любых неудобных точек зрения, затыкания рта, камуфлирования сущего во имя должного и т.д. Корень явления видится в том, что всякая культурная система в истории вырабатывает формы самозащиты от разрушающей ее исторической динамики. Используя арсенал доступных и приемлемых средств, культура блокирует, табуирует и как бы отменяет, выводит из существования все диссистемное, «неправильное», неудобное. При этом действует древнейший психологический механизм:

если нечто убирается из семантического поля, то тем самым оно как бы убирается и из самой реальности. В этом смысле так называемые интеллектуалы недалеко ушли от первобытных охотников, для которых магическая манипуляция с изображением равнялась физическому воздействию на сам изображаемый предмет. И как в свое время церковная инквизиция защищала распадающееся средневековое мировоззрение, так бархатная инквизиция политкорректности защищает сложившуюся в последней четверти XX в. леволиберальную/социал-демократическую систему, которая все более явно демонстрирует свою неадекватность. Здесь, как и во многих других случаях, защищающая себя система безразлична к процессам глобального развития — ей важно продлить собственное существование. В этом смысле полиция политкорректности призвана продлить жизнь породившей ее системы в ее современной леволиберальной, в широком понимании, модификации. И то что западный мир, оставаясь пока еще авангардом мировой цивилизации, занят, прежде всего, пролонгированием своего *status quo*, полагая, что тем самым он оберегает от потрясений также и весь остальной мир, — пагубное заблуждение. В этом коренится одно из ключевых противоречий современности: рецепты для решения общемировых проблем берутся исключительно из поваренной книги левого, опять же в широком понимании, либерализма или релевантных ему воззрений. Большинство политиков вынуждены действовать согласно идеологической санкции, предписывающей выбирать не самые адекватные и эффективные решения, но лишь те, что соответствуют установленным «правилам игры» и признаются допустимыми с идеологической точки зрения. Подобная противоестественная ситуация понуждает их лгать, изворачиваться, искать неуклюжие оправдания, прибегать к лицемерным ухищрениям двойных стандартов и т.п. Но принцип здравого смысла (не путать с беспринципным прагматизмом) в современном мире, как ни парадоксально, не имеет под собой почвы — ни мировоззренческой, ни научной, ни идеологической и, следовательно, дискурсивной, — хотя потребность в таком дискурсе ощущается все более остро. Выработка его основ — одна из задач нашей альтернативной экспертизы.

Фундаментальная смена ориентиров диктуется набором глубоких противоречий, разрешение которых в рамках существующих подходов и ценностных стереотипов представляется невозможной.

Самое глубокое из противоречий — противоречие между социальным и индивидуальным. Говоря языком современной социальной философии, это противоречие между жизненным миром человека и миром социальных институтов, живущих собственной жизнью и использующих человека как средство. Этот контрапункт не есть порождение современности. Он имманентен человеческим сообществам вообще, и каждая эпоха вырабатывает свои формы гармонизации. Формы эти неизменно подвергаются давлению со стороны исторической динамики и рано или поздно оказываются неадекватными. Подавляющее большинство обществ в истории решало проблему в пользу социализма, подчиняя интересы человека интересам общества в лице тех или иных институтов и инстанций. Западная культурно-цивилизационная система — единственная в истории, реализовавшая в полной мере противоположный, антропоцентрический принцип.

Современная конфигурация соотношения социального и индивидуального в западном мире сложилась после Второй мировой войны, в условиях подъема ценности индивидуального начала, когда гуманистический фарватер западной цивилизации получил дополнительный стимул в виде психологического отторжения ужасов и бесчеловечности войны и нацистских идей, которыми, кстати сказать, в 20-х–30-х гг. была до безумия увлечена чуть ли не вся Европа. При этом отторжение государственного тоталитаризма переросло также и в отторжение социализма как такового, а неприятие нацизма — в осуждение любого рода национализма, в т.ч. и буржуазного, что в конечном счете и привело к усилению левого мировоззрения. Здесь следует вспомнить о том, что любое качество в социально-исторической жизни никогда не равно само себе и никогда в сумме своих прямых и косвенных последствий не сводится однозначно ни к положительным, ни к отрицательным определениям. Природа истории жестока. Она отрицает «человеческое, слишком человеческое». Так, несколько десятилетий мира и сыто-

сти неизменно оборачиваются развращением, пресыщенностью, вялостью, ленью и трусостью, параличом политической воли. И, увы, упадок воли к насилию есть одновременно и упадок воли к жизни. Поэтому ни социализм, ни антропоцентризм сами по себе ни хороши и ни плохи, но доведение любого качества до крайности делает систему в целом нежизнеспособной, что и угрожает сегодня западной цивилизации.

Другое противоречие — между презумпцией общечеловеческих ценностей и декларацией плюрализма и равенства культурных традиций, образа жизни и т.д. Пикантность заключается в том, что под общечеловеческими ценностями имеются в виду ценности европейские в их либеральной версии. Во избежание обвинений в европоцентризме, это прямо не провозглашается, но всегда достаточно ясно подразумевается. Жертвой этого противоречия стал мультикультуралистский проект. В основе противоречия абсурдность сочетания несочетаемого: презумпции «общечеловеческих» (читай, европейских) ценностей с принципом культурного разнообразия. Ведь культурное разнообразие — это не экзотическое дополнение к «общечеловеческим» ценностям, которых никогда в природе не существовало. Культурное своеобразие народов проявляется, прежде всего, именно в ценностях, этических нормах и в значительной мере — в традициях решения вышеозначенной проблемы гармонизации социального и индивидуального начал, включая также гендерные и поколенческие противоречия. Осознанию абсурдности этой ситуации долгое время мешали специфические психологические aberrации западного сознания. Несмотря на то что идея эволюционизма XIX в., согласно которой все народы в своем развитии устремляются к понимаемому в европейском духе прогрессу и проходят одни и те же стадии, была раскритикована и осмеяна, она крепко въелась в западное сознание. Отсюда уверенность в том, что все люди непременно стремятся к свободе, а тех, кто почему-то пока не стремится, никогда не поздно подтянуть и доучить. Отсюда и унылый, присущий в той или иной мере всем культурам самообман: стремление видеть в другом не более чем свое отражение — частично искаженное или в чем-то «недоразвитое». Это не удивительно:

чтобы понять другого, надо в чем-то перестать быть собой, а это под силу очень немногим. Массовому же человеку это вовсе недоступно. Даже если это массовый человек самой рациональной и рефлексивной культуры — западной.

С этим связано третье противоречие. Оно заключается в том, что западная цивилизация с ее антропоцентрическими (индивидуалистическими, персоналистскими) ориентирами и ценностями, ориентированными на сформировавшийся в эпоху Нового времени тип самоактивной, внутренне свободной личности, как и всякая другая, имеет дело главным образом не с личностями в вышеозначенном смысле, а совершенно иным типом людей — носителями по сути антиличностных, социоцентрических ценностей и установок. То, что такой тип людей противостоит Западу за его пределами, — это еще полбеды. Но то что не-личности, вышколенные и приученные к жизни в личностной цивилизации, составляют большинство и в самой западной цивилизации — бомба замедленного действия. Идеологема абстрактного культурно-антропологического равенства всячески камуфлирует осознание этой проблемы, и потому на поверхность выступают лишь косвенные ее проявления.

Пора, наконец, признать очевидное: современный антропологический кризис в ареале западной цивилизации — прямое следствие доведения до крайности принципов либерального гуманизма. Чтобы это утверждение не казалось нарочито эпатажным, поясним.

Во-первых, отторжение деспотического насилия, подавления индивидуальных свобод, рост ценности человеческой жизни и, в конце концов, стремление избавиться от любого рода «дискурсов власти» продолжает пониматься не как исторически преходящая форма самоопределения человека в конкретной системе культуры, а как нечто метафизическое, универсально присущее человеку вообще и конечная и наисовершеннейшая форма, к которой тем или иным путем устремляется все человечество. Эта, говоря языком постмодернистов, метанаррация — мифологема, присущая культурному сознанию эпохи модерна, — источник болезненных, а теперь уже и просто опасных aberrаций. Это не удивительно: еще несколько десятилетий назад дискурс модерна выглядел

еще вполне метафизично: западные ценности представлялись как будто бы вполне общечеловеческими и трансисторическими. Но сегодня инерция такого понимания донельзя неуместна, как утопичны и наивны в устах современных политических деятелей руссоистские идеи о том, что все люди по своей природе стремятся к свободе.

Во-вторых, как уже говорилось, принципы либерального гуманизма предполагают своим субъектом самоактивную, ответственную творческую личность, каковых в любом обществе набирается не более 5–7%. Остальная, состоящая не из личностей часть общества просто вынуждена адаптироваться к навязываемым «правилам игры» в западном обществе, где личностное начало выражено наиболее полно и сильно и к тому же закреплено в культурной традиции. Это противоречие носит пока полупатентный характер. Но когда нормы цивилизации личности приносятся туда, где такой традиции нет, результат получается, как в Ираке или Афганистане.

В третьих, доведение какого-то культурного принципа до крайнего выражения всегда приводит к энтропии всей системы. Снятие необходимой для продуктивных противоречий разности смысловых потенциалов и стоящих за ними социальных сил и мотивов неизбежно приводит к мертвой эклектике, угасанию жизненных сил общества, смерти идеалов, инфляции социоисторических стратегем и общему обесмысливанию существования. Речь не идет о банальной пошлости и цинизме обывателя или об узколобой мелкотравчатости политиков. Речь идет о глубоких культурно-исторических процессах, определяющих системный характер кризиса, и о возможных путях его преодоления.

Могут спросить: почему проблемы западного общества рассматриваются из России? Разве здесь нет своих проблем? Ответ такой. Разумеется, свои проблемы в России есть, и еще какие! Россия — часть, по крайней мере в некотором смысле и в некоторой своей части, европейской цивилизации. И ряд кризисных процессов в России и в Европе, имея, казалось бы, совершенно разные причины, протекают параллельно. Это создает общую площадку для обсуждения. Кроме того, западная цивилизация — это хотя и сдающий постепенно свои позиции, но все

же авангард мировой цивилизации. И потому ее кризис — это кризис мирового масштаба. Здесь не может быть посторонних. К тому же взгляд со стороны нередко бывает более трезвым и объективным, чем взгляд изнутри.

В целом же, отправной точкой анализа может стать положение о том, что «белая цивилизация» закономерным образом уходит с исторической арены. Но как она уйдет, в какие сроки и при каких обстоятельствах, что из ее исторического опыта будет унаследовано приходящими на смену — далеко не последний вопрос. По-иному этот вопрос можно сформулировать так: каким будет новый макроцивилизационный синтез, контуры которого намечаются уже достаточно ясно? Другая сторона того же вопроса — более глубокий, нежели политологический, анализ пресловутого «конфликта цивилизаций». Ведь, к примеру, объяснение активизации мира ислама или экспансии Китая, совершенно разных по своим глубинным историко-цивилизационным основаниям, не выводится из краткосрочных политических конъюнктур. В этом контексте, к примеру, вполне правомерно в культурологическом ключе рассматривать вопрос о возможности синтеза «классических» западных форм демократии с принципами конфуцианской этики и т.д., и т.п.

Формулируя многочисленные вытекающие из этого основного вопроса проблемы, следует оговорить отказ от некоторых бесплодных, на наш взгляд, но почти общепринятых стереотипов. Это, как уже говорилось, мифы об антропологическом единстве человечества и о неких общечеловеческих ценностях. И никакой политкорректности! Принцип: называть вещи своими именами — на первом месте.

Из сказанного выше может сложиться

впечатление, что речь идет о солидарности с широко понимаемым консерватизмом. Несмотря на наличие некоторых точек соприкосновения с последним, в целом, тем не менее, это не так. Реставрационно-охранительный и архаично-морализаторский ответ на вызовы современной культурно-исторической динамики заведомо неадекватен, и консервная стратегия, по нашему мнению, будущего не имеет. Солидарность же с консерваторами выражается главным образом в неприятии левацкого и социалистического мировоззрения во всех его проявлениях, включая и леволлиберальное.

К этому следует добавить, что такие традиционные направления анализа, как экономический, социологический, политологический и экологический, хотя и присутствуют с необходимостью в нашем дискурсе, но при этом все же отодвигаются на второй план. В центре же нашего внимания — системные исторические, цивилизационные и теоретико-культурные факторы, так или иначе связанные с ключевым концептом ментальности и характеристиками культурного сознания. Поэтому именно ментальность может выступать ключевым понятием нового дискурса, призванного разработать и обосновать новые принципы стратификации людей как субъектов исторически меняющихся культурно-цивилизационных систем. Идея такой стратификации давно носится в воздухе, но пока продолжает блокироваться полицией политкорректности, а на нарушителей безосновательно навешиваются ярлыки нацистов, расистов и т.п. Но кто-то должен, в конце концов, оказаться тем самым мальчишкой, который осмелился выкрикнуть, что король голый. Для спасения самого короля.